

РОКСИ НОКС

18+

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК
для отшельника

Рокси Нокс

**Аленький цветочек
для отшельника**

«Автор»

2026

Нокс Р.

Аленький цветочек для отшельника / Р. Нокс — «Автор», 2026

Желая позабавиться с однокурсницей-сиротой, пьяные мажоры увозят ее в глухой лес. Чудом ей удаётся от них бежать. Она набредает на избушку отшельника, и тот несмотря на свой суровый и нелюдимый вид, соглашается принять ее на ночь. Сможет ли взрослый мужчина, давно позабывший о женской ласке, устоять перед трепетным аленьким цветочком?2 КНИГА СЕРИИ "СКАЗОЧНЫЙ КАВКАЗ"

© Нокс Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Г	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Рокси Нокс

Аленький цветочек для отшельника

Глава 1

Ноябрь в нашем городке – это не так уж и красиво, как пишут в книжках.

Никаких вам золотых листьев и уютного запаха костра. Это грязь под ногами и небо свинцового цвета. Это лужи на каждом шагу, и ты уже не смотришь по сторонам, а только под ноги, чтобы не промочить единственные приличные ботинки.

Я шла домой из колледжа и думала о том, что завтра снова состоится контрольная по бухчёту, что в холодильнике пусто, и что надо уже отдавать Милане долг.

В сумке у меня лежал пакет кошачьего корма. Я никогда не выхожу из дома без него.

Ведь каждый день в переулке меня ждала кем-то выброшенная вислоухая кошка.

Я свернула за угол.

– Киска, – позвала я тихонько. – Кися, я тут.

Она появилась мгновенно, потёрлась об мою ногу и задрала хвост трубой. Я присела на корточки и высыпала корм в крышечку от банки, которую оставляла здесь специально для нее.

– Ешь давай. И не смотри на меня так. Знаю, что мало. Получу стипендию и куплю больше.

Вислоушка смотрела на меня так, будто всё понимала. Её тёплое, плюшевое тело потерялось о мою ладонь, и крошечный электрический разряд тепла почти заставил меня поверить, что мир не так уж и холоден.

Я улыбнулась. Потому что больше некому мне было улыбнуться. Потому что в группе я была «та самая сиротка Роза из общаги, у которой нет никого», и люди это чувствуют – моё одиночество – и держатся подальше, как будто оно заразное.

Я встала и запихнула остатки корма в сумку.

И тут за спиной взвизгнули тормоза...

Я не сразу обернулась. Мало ли кто, лихачей в нашем городке хватает. Но машина не уезжала. Она остановилась прямо рядом со мной, и из опущенного стекла ударила музыка – басы, от которых вибрировала грудная клетка – и чей-то смех. Слишком громкий для шести вечера на тихой улице.

Я обернулась. Чёрный BMW. Начищенный до такого блеска, что в нём отражалось серое небо. Я знала эту машину. Знала, чья она.

Стекло опустилось до конца.

– Роза-а, – протянул Руслан, и в этом «а» было столько всего, что у меня моментально свело живот. – Куда идём?

Руслан Ильяшев. Третий курс, направление «менеджмент». Отец – кто-то в администрации, дядя – кто-то ещё выше. В колледже он ходил так, будто само здание было построено специально для него, преподаватели делали вид, что не замечают, когда он опаздывал, а девчонки из его тусовки говорили о нём с придыханием.

Меня Ильяшев задирал с первого курса. Без причины. Просто потому, что мог.

«Розка, а ты чья? Ничья? О, как удобно».

«Розка, а в общаге у вас по двое живут или по трое? Тесно, наверное».

«Розка, улыбнись, ты страшная, когда серьёзная».

Мелочи. Ничего такого, на что можно было бы официально пожаловаться. Просто вставлял в мою кожу иголки. По одной – не больно. Но каждый день. А сейчас я чувствовала, как эти иголки начинают превращаться в гвозди.

– Никуда, – сказала я и отвернулась.

Шаг. Второй.

– Эй, – его голос стал другим. Чуть тише и острее. – Я с тобой разговариваю.

– Я заметила, – ответила, не останавливаясь.

За спиной хлопнула дверь.

Я ускорила шаг, но не побежала. Нельзя бежать – это я знала каким-то древним инстинктом.

Не показывай страх. Не показывай страх. Не пока...

– Ты куда торопишься? – Ильяшев оказался рядом и пошёл со мной в ногу, держа руки в карманах. От него пахло дорогим парфюмом и чем-то кислым. Алкоголем, точно. Он пьян. И это очень плохо. Пьяные не думают о последствиях. – Дома, что ли, ждёт кто-то? Нет ведь. Некому тебя ждать, да, Роза? И дома у тебя нет. А шарага подождет.

Не реагируй.

– Отстань, Руслан.

– Грубая, – сказал он с притворной обидой и оглянулся на машину. – Слышите? Грубая она какая-то.

Из машины заржали. Я скосила глаза – в салоне их было трое или четверо, я не успела рассмотреть. Все одинаковые – молодые, сытые, весёлые.

– Садись, прокатимся, – сказал Руслан. Легко так сказал, как само собой разумеющееся.

– Мы тебя до общаги подвезём.

– Я дойду.

– Дойдёшь? – он посмотрел на небо демонстративно. – Дождь сейчас будет.

– Дойду.

– Роза. – Он остановился, и я сделала ещё шаг, но что-то в его голосе заставило меня тоже остановиться. Что-то изменилось. – Садись в машину.

Это уже была не просьба. Приказ.

Я обернулась.

Он смотрел на меня уже без ухмылки. И я вдруг поняла, кожей прямо почувствовала, что вот сейчас важный момент. Что-то произойдет.

– Ребята, – позвал Руслан.

И дверь машины открылась...

Их трое.

Я запомнила всё очень странно, отдельными кадрами, как будто кто-то вырезал из плёнки целые куски.

Вот чьи-то руки на моих плечах – крепкие, не отпускают. Вот моя сумка падает на асфальт, пакет с кошачьим кормом опрокидывается, и корм рассыпается по луже. Я почему-то смотрю именно на это – на рассыпанный корм – и думаю: завтра киске будет нечего есть.

Вот я кричу – или мне кажется, что кричу, а на самом деле из горла выходит только какой-то сип, потому что страх сжимает горло изнутри, как кулак.

Вот Руслан открыл заднюю дверь и сказал:

– Не ори, никто не услышит.

А потом меня толкают внутрь, и я ударяюсь коленом о порог, и это больно, очень больно.

Боль на секунду возвращает меня в реальность, и я упираюсь руками, но там уже двое, и они сильнее.

Дверь захлопывается.

Машина трогается.

В салоне тепло. Это первое, что я почувствовала. Я сидела, зажата между двумя телами, и не могла пошевелиться, и только смотрела прямо перед собой – на затылок водителя, на ёлочку освежителя, которая раскачивалась в такт музыке.

– Вот и пообщаемся теперь нормально, – сказал Руслан, закидывая мне на плечо руку. Все засмеялись.

– К-куда вы меня везёте?

– Покататься, – ответил кто-то слева от меня. – Расслабься, Розка. Мы же не звери. Расслабься...

За окном мелькали огни улицы – я знала этот маршрут и могла бы сказать, где мы едем. Вот пекарня. Вот школа. Вот аптека, в которой я покупала таблетки от головы в прошлом месяце.

А потом огни стали реже.

А потом они кончились совсем.

– Подождите, – дёрнулась я, и Руслан сразу же придавил мою руку к сиденью. Не больно. Просто – чтобы было понятно. – Это не в сторону общаги. Вы же сказали подвезете?

– Мы сказали покататься, – перебил он и неприятно засмеялся. – Ты что, не слышала?

За окном уже был лес. Деревья тянули к небу свои корявые руки, будто хотели вцепиться в этот небосвод, но хватали лишь пустоту.

Я смотрела на чёрные стволы, которые проносились мимо, и пыталась дышать ровно, но получалось так себе. Что они задумали?

Машина свернула на просёлочную дорогу и покатила вглубь леса – туда, где не было огней, не было людей, не было никого...

Только темнота.

И издевательский смех пьяных мажоров...

Глава 2

Машина заглохла внезапно.

Дёрнулась и резко встала посреди леса и темноты.

– Что за... – водитель повернул ключ.

– Тимур, я же говорил заправиться!

– Ты сам говорил, хватит!

– Я говорил?! Ты за рулём сидишь или я?!

Парни заспорили громко, перебивая друг друга, с той бестолковой горячностью, которая бывает у пьяных людей, когда что-то идёт не по плану.

Я не шевелилась.

Руслан молчал. Он не участвовал в перепалке. Просто сидел на переднем сиденье и смотрел вперёд, в темноту за лобовым стеклом.

Потом медленно повернулся ко мне лицом.

В машине темно, но не совсем – тускло светилась приборная панель, и в этом мертвенном синеватом свете его лицо выглядело совсем незнакомо. Сейчас он был не тем самодовольным красавчиком из колледжа, который бросал колкости и ждал смеха от окружающих. А другим. Опасным, злым.

– Тихо, – сказал он негромко.

Все замолчали. Сразу. Вот так просто – один звук, и тишина. И я поняла, что он здесь главный не потому, что громче всех кричит. А потому, что когда он говорит тихо – его слушаются.

– Роза, – сказал Ильяшев. – Ты же умная девочка.

Я промолчала.

– Умная, – повторил он, как будто сам себе. – Отличница. Всё правильно делаешь. Стипендию получаешь. – Он чуть наклонил голову. – Вот и сейчас сделай правильно.

– Руслан, пожалуйста, – начала я.

– Нет, ты послушай меня сначала, – голос у него всё такой же вкрадчивый. – Мы в лесу. Телефон твой у меня, – он поднял мой гаджет, который успел забрать ещё в городе, и покрутил в пальцах. – Машина встала. Ребята скучают. У тебя есть выбор. Я человек справедливый, всегда даю выбор.

Водитель хихикнул. Тихо, но я услышала.

У меня внутри всё превратилось в лёд. Я буквально почувствовала холод, который пошёл от солнечного сплетения вверх, к горлу, к затылку. Руки стали чужими.

– Либо, ты сама. По-хорошему. Только со мной, по обоюдному желанию. Парни на улице постоят, пока мы будем заняты приятным делом. Потом отвезём тебя домой, и всё. Никто ничего не узнает.

Ильяшев сделал паузу, потом добавил:

– Либо сама не сама и со всеми, – он пожал плечами, как будто говорил о чём-то незначительном. – Выбор за тобой.

На улице зашелестел дождь.

Он начался только что – тихий, осенний, равнодушный. Капли стучали по крыше машины. Тук. Тук. Тук. Как будто кто-то методично и терпеливо напоминал: ты одна, некому тебя защитить, отморозки сделают с тобой всё, что пожелают, а ты ничего не сможешь сделать...

– Ты поняла, что я сейчас сказал? – Ильяшев потянул за края моего алого платка.

– Да, я поняла. И знаешь, как это называется?

Мой голос прозвучал тихо, как у человека, которому уже нечего терять.

Руслан приподнял бровь.

– Роза, – в его голосе появилось раздражение. – Не надо. Я просто попросил тебя выбрать. И всё.

– Это статья, Руслан, – я посмотрела на него. – Это уголовная статья. Твой отец. Его должность. Ты об этом подумал?

– Как он узнает? – сказал он просто. – От тебя, что ли? Хочешь прославиться на весь колледж?

Я почувствовала, как у меня задрожали пальцы.

Думай, Роза. Думай. Ты же умная девочка – он сам сказал.

– Хорошо, – сказала я.

Пауза. Мажоры насторожились и переглянулись, явно не ожидая от меня такого быстрого согласия.

– Хорошо что? – Руслан медленно улыбнулся. – Только со мной?

– Да, – я шумно сглотнула. – Но только не здесь. Не в машине. Я... мне нужно выйти. Мне плохо. Меня тошнит с дороги, и если ты хочешь, чтобы по-хорошему – дай мне выйти, подышать. Одну минуту.

Он смотрел на меня.

Я смотрела на него, надеясь, что мои глаза меня не выдадут.

Верь мне. Ну, верь же! Ты самодовольный идиот – поверь мне!

– Тимур, выпусти её, – сказал Руслан наконец.

– Руслан, она же...

– Выпусти, сказал. Куда она денется?

Дверь открылась.

Холодный воздух ударил в лицо.

Я шагнула из машины – ноги ватные, земля мягкая, мокрая. Сделала два шага в сторону, три, кто-то из машины крикнул вслед что-то смешное, кажется, что-то про «пописать перед этим самым», и все захохотали.

Я стояла спиной к ним.

Дышала.

Лес был прямо передо мной – чёрный, плотный, без единого просвета. Дождь шёл сильнее. С ветки сорвалась капля за шиворот, и я вздрогнула.

Некуда бежать.

Некуда.

Или...?

Роза, беги!

И я побежала...

Не помню, как именно – просто вдруг оказалось, что я бегу, что ветки хлещут по лицу, что под ногами хрустит, чавкает, проваливается, что я спотыкаюсь и не падаю, и сзади секундная тишина, а потом:

– Эй! Эй, ты чё-ё?

– Руслан, она побежала!

– Да ты ох*ел?!

Голоса. Хлопок двери. Ещё один.

Я бежала.

Ветки. Темнота. Дождь в глаза.

Я не видела ничего дальше вытянутой руки – просто неслась, выставив руки вперёд, и ветки царапали мне ладони до крови.

Сзади раздался треск. Голоса.

– Розка, мать твою! – Руслан. Злой. – Роза, стой! Ты дура?! В лесу ночью – ты понимаешь?!

Я понимала.

И всё равно бежала.

– Не ходи за ней, – слышался другой голос. – Пусть пизду*т. Сама вернется к нам.

– Заткнись! Надо вернуть её.

Треск. Они шли за мной. Или не шли – я уже не могла понять, потому что дождь усилился и шумел теперь на весь лес, и я слышала только его и своё рваное дыхание.

Я упала.

Колено попало в корень дерева. Острая, настоящая боль. Я лежала лицом в мокрой хвое секунду, две – и поднялась. Потому что нельзя было не подняться.

Пошла.

Потом побежала снова.

Не знаю, сколько прошло времени.

Лес был везде – одинаковый, бесконечный, без направлений. Я потеряла их голоса – или они замолчали, или я убежала достаточно далеко.

А потом – сигнал клаксона.

Далёкий, но отчётливый. Раз. Два. И снова голоса – не разобрать слов, просто звук, который нёсся между деревьями и отражался от них, и казалось, что он отовсюду сразу.

– Роза-а! – Это орал Руслан. – Роза, ты слышишь?! В лесу волки! Ты понимаешь?! Иди к машине, дура! Мы тебя не тронем!

Волки.

Может, правда. Может, нет. Но я подумала: пусть волки. Это лучше, чем три отморозка.

Снова клаксон, длинный, раздражённый. Они не шли за мной больше – ждали у машины. Думали, испугаюсь и вернусь к ним на заклятие.

Ноги промокли насквозь, и зуб на зуб не попадал. Я не плакала, и даже удивилась этому. Просто шла с мыслью, что этот проклятый лес когда-нибудь да закончится.

Дождь лил.

Лес шумел.

Голоса пропали уже совсем. Или я ушла слишком далеко, или они уехали, или просто всё, финальная точка: Роза Мурзаева, двадцать лет, сирота, найдена весной.

Я остановилась.

Прислонилась спиной к дереву и сползла по нему вниз – прямо на мокрую землю, в грязь. Сидела и смотрела в темноту.

Ну вот и всё, подумала я обреченно. Мои мучения окончены. Вислоушка из переулка найдёт себе кого-нибудь другого.

Как вдруг.

Далеко, между деревьями теплилось что-то жёлтое. Крошечное. Как последний уголёк в костре.

Я не бежала к нему, потому что уже не могла бежать. Просто шла, спотыкаясь, придерживаясь руками за деревья, и свет становился больше, и постепенно из темноты проступили очертания – тёмная крыша, стена, маленькое окно.

Изба.

Самая настоящая изба, деревянная, осевшая, с навесом над крыльцом. Из окна шел желтоватый огонь, лампа или свеча – не разобрать.

Я остановилась у крыльца.

Поднялась на ступеньки – они скрипнули в ответ.

Подняла руку и постучала.

Окоченевшие пальцы не слушались, и стук получился тихим, неуверительным. Я постучала ещё раз. Сильнее.

Тишина.

Дождь.

Тишина.

Я уже начала думать: никого, заброшено, показалось, и нужно идти дальше – только куда, куда идти?! – когда за дверью что-то скрипнуло.

И она открылась.

Начала я увидела ружьё.

Потом руки, большие, тёмные. Потом – плащ, мокрый по краям, с накинутым капюшоном, из-под которого не было лица – только тень.

Огромный.

Он заполнял весь дверной проём – от потолка до порога. Просто стоял и смотрел на меня, и я чувствовала этот острый взгляд, хотя и не видела глаз.

Я стояла перед незнакомцем мокрая насквозь, в грязи по колено, с расцарапанными руками и, наверное, с такими бешеными глазами, что смотреть страшно.

Открыла рот, чтобы сказать: «Помогите» Или: «пожалуйста.» Или просто: «я замёрзла.»

Но из тёмного капюшона донёсся хриплый голос:

– Убирайся!

Глава 3

Колени ударились о доски крыльца, руки инстинктивно выбросились вперёд, а ладони впились в мокрое дерево. Я стояла на четвереньках перед закрывающейся дверью и немогла встать.

Ноги не держали, и всё тут.

– Подождите, – взмолилась я. – Я ничего не прошу. Просто... мне некуда больше.

Тишина.

Дождь лил на мою спину, на затылок, за шиворот. Я смотрела на щель между дверью и косяком, на тонкую полоску тёплого света, и думала: вот сейчас она закроется, и я останусь здесь, на этом крыльце, может быть, доползу до стены, и сяду под навесом, и буду так сидеть до утра.

Если получится до утра.

Ноябрь. Мокрая одежда. И я уже почти не чувствовала пальцев ног. Я знала, что это плохой знак. Читала про переохлаждение – в школе, на уроке ОБЖ, давно и без всякого интереса, потому что казалось, что это не про меня, что со мной такого не случится никогда...

Дверь не закрылась.

Она распахнулась снова, резко и шире. Я подняла голову, не веря своим глазам.

Мужчина стоял надо мной и смотрел вниз. Теперь свет из комнаты падал на него сзади, и я всё равно не видела лица – только силуэт, огромный и тёмный, и ружьё в руке, опущенное стволом вниз.

Я молчала. Просто смотрела на него снизу вверх с колен, мокрая и грязная, как брошенный котёнок под дождём.

И тогда он издал звук. Низкий, короткий, похожий на «чёрт» или на что-то похожее, только не по-русски – я не разобрала. И отступил в сторону.

Поняв, что это нечто вроде приглашения, я встала.

Держась за дверной косяк, на негнувшихся ногах, шагнула через порог.

Дверь за мной закрылась.

Внутри тепло. И пахло хорошо.

В углу стояла печь. Большая, с чугунной дверцей, сквозь щели которой просвечивали угли. На столе горела керосиновая лампа – вот тот самый огонёк, который я увидела между деревьями и шла на него!

На полках вдоль стены висят банки, пучки сухих трав, свёрнутая верёвка. У дальней стены разложенный диван, застеленный одеялом. На крюках – одежда, инструменты.

Я смотрела на всё это и думала, что здесь явно не бывает гостей. Что сюда не приезжают на выходные и не привозят раскладные стулья, мясо и мангал. Что этот человек живёт здесь – и точка. Не прячется временно, не отдыхает от города. Просто живёт. Давно и, похоже, без всякого желания что-то менять.

Интересно, подумала я вдруг, каким надо быть человеком, чтобы вот так – уйти в лес и остаться? Мамочки, а если он сатанист какой-нибудь?!

– Стой там.

Я вздрогнула так, что качнулась.

Он снял плащ, повесил на крюк у двери и повернулся.

И вот тогда я увидела его лицо.

Не знаю, чего ожидала.

Наверное, чего-то совсем страшного в такой дикой ситуации. В голове за эти секунды мелькнуло всякое – детские страхи, лесные сказки, всё то, во что не веришь в городе, а в ночном лесу вдруг начинаешь бояться до чертиков.

Но лицо его было... просто лицом. Может жёстким немного. Морщины от носа к губам, тяжёлые надбровные дуги, несколько дней щетины – или неделя, не разобрать. Тёмные волосы, чуть тронутые сединой на висках.

Немолодой. Лет сорока, может, меньше.

Он смотрел на меня так, как смотрят на проблему, которая пришла в дом.

Потом опустил взгляд вниз, на мои ботинки.

Они мокрые насквозь, облеплены грязью и хвоей, на подошвах – комья раскисшей земли. Такими ботинками хорошо месить лес, но никак не заходить в чужой дом с чистым полом.

Отшельник молча присел на корточки передо мной. Я не сразу поняла, что он делает, – просто смотрела сверху вниз на его тёмные волосы с сединой на висках, пока он не взялся за мой ботинок и не начал развязывать шнурок.

Я отдёргнула ногу.

– Я сама.

– Стой, говорю.

Он развязал первый ботинок – шнурок мокрый, узел затянулся намертво, но он возился молча, без комментариев, пока не стянул его с ноги. Поставил в сторону. Взялся за второй.

Я стояла и чувствовала себя странно. Последний раз кто-то снимал с меня ботинки... наверное, никогда. Или в детстве, совсем маленькой, я не помню. В детдоме каждый сам ухаживал за собой.

Второй ботинок встал рядом с первым.

Тогда мужчина поднялся и кивнул внутрь.

– Теперь заходи.

Он провёл меня через маленькую боковую дверь, и за ней оказался короткий крытый переход, деревянный, холодный, и сразу за ним – банная пристройка.

Тёмные от времени доски, низкий потолок, полки вдоль стены. Но в печурке в углу уже тлели угли – или он затопил раньше, или она никогда не остывала совсем – и в воздухе стояло то особенное банное тепло, влажное и обволакивающее.

В углу стояла деревянная кадка. Мужчина без слов взял с полки ковш, черпнул из большого бака над печкой – раз, другой, третий. Пар поднялся вверх.

– Обмойся, – сказал он, кивнув на кадку.

– Я... – начала было я.

– Снимай всё, – он говорил коротко, без интонации, как инструкцию давал. – Одежду оставь здесь, потом разберёмся.

– Я быстро, – зачем-то сказала я.

Он вышел и прикрыл за собой дверь.

Я мылась дольше, чем планировала. Горячая вода делала что-то такое, от чего невозможно было уйти сразу, – она добиралась до мест, которые уже не чувствовали себя частью тела, и возвращала их живость.

Пальцы ног закололо – больно, но это было хорошей болью, живой. Я отмывала грязь и лес, отмывала этот вечер. Руслана. Машину. Темноту между деревьями. Грязные слова...

Некоторые вещи не отмываются. Но я старалась.

Вытерлась. Надела нижнее бельё и поняла, что выходить не в чем – одежда лежала на полу отдельной грязной кучей, и надевать её обратно было невозможно.

– Одета? – раздался голос из-за двери.

– Н-нет, – сказала я. – То есть... частично.

Дверь всё равно открылась. И я инстинктивно скрестила руки на груди. Я понимала, что глупо, бельё закрывало всё что нужно, но руки сами сложились накрест.

Мужчина вошёл. Его взгляд скользнул по мне – быстро, без интереса.

– Не бойсь, – сказал он равнодушно. – Не интересуешь.

И бросил мне одеяло.

Я поймала его обеими руками – пришлось разжать скрещенные руки – и сразу же закуталась в него. Плотнo, до подбородка.

– Одень это, – сказал он и протянул мне что-то.

Я посмотрела. Это самодельные тапочки – подошва из толстой резины, сверху кожа, прошитая грубой нитью. Некрасивые. Основательные. Такие не покупают, такие делают сами, когда магазин далеко, а ноги мёрзнут.

Я обулась.

– Спасибо, – сказала я.

Они ужасно большие, мои ноги в них болтались, но это лучше, чем идти босиком.

Шла и думала: я его не интересую. Это хорошо. После Руслана и его предложения, после машины и леса – лучше этих двух слов ничего быть не могло.

Безопасно. Ясно. И никаких двойных смыслов.

Так кто же все-таки этот мужчина, и не оживут ли страшные сказки сегодняшней ночью?

Глава 4

Отшельник поставил передо мной кружку. Потом деревянную доску с хлебом – настоящим, домашним, с толстой тёмной коркой и мягким, чуть влажным мякишем. Рядом лежал кусок сыра.

Я почувствовала, как желудок сжался и тут же напомнил о себе так настойчиво, что стало почти больно. Я не ела с обеда. Хотя какой там обед – это было, кажется, в другой жизни.

– Ешь, – сказал он, садясь напротив.

Я взяла хлеб, откусила и на секунду закрыла глаза от наслаждения. Он тёплый, будто совсем недавно вынут из печи. Я жевала медленно, стараясь держаться прилично, хотя хотелось наброситься на еду и съесть всё сразу.

Мужчина сидел напротив и смотрел в свою кружку.

Молчал.

За окном дождь сменил темп, он уже не лил, а моросил тихо и ровно. От этого звука внутри стало почти спокойно и почти уютно.

– Как зовут? – спросил он вдруг.

Мужчина смотрел на меня, и я впервые заметила, какие у него глаза – серые, холодные, но с чем-то тёплым на дне, как угли, которые ещё не остыли.

– Роза, – сказала я.

– Роза, – повторил он. – Как ты оказалась в лесу?

Я опустила хлеб на доску. Вдаваться в дикие подробности мне не хотелось, поэтому помедлила.

Потом все-таки рассказала.

Коротко. Без лишних деталей. Колледж. Переулок. Как меня затолкали в машину. Лес. Ультиматум...

– Он сказал, что у меня есть выбор. Или с ним сама. Или со всеми, по очереди.

Я не смотрела на хозяина избы, пока говорила. Смотрела на кружку, на хлеб, на край доски с выщербленной щербинкой, но когда замолчала, всё-таки подняла глаза.

И увидела его лицо.

Оно изменилось.

Совсем немного – он явно умел держать себя в руках. Но даже этого хватило, чтобы понять, он чертовски зол. В складках у рта что-то застыло, брови сошлись к переносице сильнее.

Его руки, лежавшие на столе, сжались. Пальцы согнулись, костяшки побелели, и, кажется, он сам этого не заметил. Вены вздулись на кистях, и я подумала – вот это сила! И как хорошо, что она сейчас направлена не на меня.

– Имя, – тихо сказал он.

– Что?

– Имя того, кто это сказал.

Я помолчала секунду, думая, зачем ему это знать. Хотела сказать, что это не важно, что я просто хочу забыть всё и уехать домой. Но увидела его лицо и поняла – он не отступится.

– Руслан Ильяшев. Учится в нашем колледже, третий курс. Его отец...

– Достаточно, – перебил он.

– Вы его знаете? – спросила я.

– Нет.

– Тогда почему...

– Ешь, – сказал он. – А потом спать.

– Как вас зовут? – немного помолчав, спросила я.

Он посмотрел на меня. Потом – в окно. Потом снова на кружку.

– Зачем тебе?

– Просто, – пожала плечами. – Неловко как-то не знать, как зовут человека, у которого ешь хлеб.

Он ничего не ответил. Встал, забрал со стола пустую доску, подошёл к печи, как будто желая уйти от разговора.

– Утром выведу на трассу, – сказал отшельник, не оборачиваясь. – Поймаешь попутку до города.

– Спасибо, – сказала я тихо. – Но вы не ответили.

Молчание.

Долгое.

Я уже решила, что он и правда не ответит. И зачем вообще спросила? Человек спас, накормил, пустил в дом. Можно и без имени обойтись, ведь правда?

– Хизри, – сказал он наконец, будто нехотя.

Как будто он давно не произносил его вслух и не был уверен, что оно всё ещё его.

– Хизри, – повторила я. – Спасибо Вам.

Я сидела у печи, закутанная в одеяло, и смотрела на его спину.

Широкую, прямую. Он что-то делал у полок – переставлял банки, проверял что-то без суеты. Не удивлюсь, если он просто имитировал бурную деятельность, чтобы не разговаривать со мной.

И вдруг я поняла, что не боюсь его.

И это странно. Я должна бояться – по здравому смыслу, по всему, что случилось сегодня. Чужой мужчина. Лес. Изба. Ружьё на стене...

Но с Хизри всё не так. И дело даже не в его брошенной фразе: «Не интересуешь!». Почему-то он мне симпатичен – я не могла объяснить. Может, потому что он сам снял с меня ботинки. Может, потому что отдал мне свое одеяло. Или может, потому что его руки сжались в кулаки, когда я рассказала про Руслана. Давно со мной так никто не был милосерден, и это лучшее, на что я могла рассчитывать сегодня.

Я поправила на теле одеяло. Под ним тонкая ткань нижнего белья и больше ничего. И я всё время это помнила, пока говорила с ним. И он, конечно, тоже это знал, хотя ни разу не посмотрел на меня дольше, чем нужно. Неужели ему плевать на женщин? Что случилось в его жизни, чтобы дойти до такого?

– Ложись спать, – сказал он, не оборачиваясь.

– Уже? – я посмотрела в окно. За ним была только темнота и дождь. Ни намёка на время.

– Да. Поздно уже.

– А вы?

Пауза.

– Я не сплю.

Я хотела спросить: совсем не спите или только сегодня? Но промолчала. Подумает еще, что лезу в душу. Помог – и на том спасибо!

Встала, придерживая одеяло. Тапочки на деревянном полу звучали нелепо – шлёп, шлёп, слишком большие.

У дивана я остановилась.

– Хизри?

Он обернулся и посмотрел на меня как на приставучую муху.

– А если бы я не упала на крыльце, вы бы закрыли дверь?

Долгая пауза.

– Спокойной ночи, Роза, – сказал он.

Я легла на диван, натянула одеяло до носа и уставилась в тёмный потолок. Тишина, только печь потрескивала да дождь шуршал по крыше. Завтра я уеду из этого дома, но что-то мне подсказывает, что я еще долго буду помнить о его загадочном обитателе...

Глава 5

Серый ноябрьский свет пробивался сквозь маленькое окошко. Я лежала без движения первые три секунды, вытаращившись в бревенчатый потолок, и слушала.

Никаких шагов. Никто не тронул меня за эту ночь. Ни единым пальцем. Одеяло лежит на мне так же плотно, как я сама его и укутала с вечера.

Медленно выдохнула.

За стенкой что-то зашкворчало – и в щель под дверью просочился такой запах, от которого у меня в животе тоскливо заурчало. Пахло крупной и тушёным мясом. Настоящим сытным мясом, а не той тощей сосиской, которую я делила пополам с соседкой по общежитию.

Я поднялась, сунула ноги в огромные самодельные тапочки и высунула нос в избу.

Хизри стоял у печи.

Дневной свет выхватывал его куда четче, чем вчерашняя керосинка. Плечистые, чуть сутулые лопатки под плотным свитером грубой вязки. Тёмные, коротко стриженные волосы с сединой на висках. Он помешивал кастрюльку деревянной ложкой.

– Утро, – сказала я тихо.

Он не дёрнулся – слышал, как я шла.

– Проснулась, – коротко проронил Хизри, не оборачиваясь. – Умывайся. Там, в банном переходе, ведро со свежей водой.

Ели мы молча. Хизри навалил мне полную глубокую миску пшёнки с сочными волокнами разваренной говядины. Сначала я стеснялась, а потом перехватила ложку поудобнее и опомнилась, когда миска уже опустела.

– Спасибо, – выдохнула я, утирая губы тыльной стороной ладони. – Очень вкусно.

– Одевайся, – сказал он, убирая посуду. – Одежда твоя подсохла у печки. Пора.

Я переоделась в своё. Юбка, конечно, выглядела так, словно по ней проехался трактор, а колготки, те вообще пришлось выбросить. Куртка просохла, ботинки Хизри очистил от основной грязи и подсушил.

Я завязала тугие узлы на сухих шнурках и подошла к двери.

Хизри вышагнул на крыльцо первым. Я – следом за ним.

Воздух снаружи тяжелый. Дождя уже не было, но лес стоял замерший, будто настороженный.

И вдруг Хизри застыл как вкопанный, вскинув голову к кронам сосен. Все его тело натянулось, как струна.

У меня внутри всё мгновенно оборвалось. Сердце ухнуло куда-то в пятки.

Они нашли нас. Руслан и его парни вернулись!

Я инстинктивно шагнула Хизри за спину, вцепилась пальцами в плотную ткань его свитера сзади, выглядывая из-за широкого плеча и едва дыша от страха:

– Что?.. Что там?! Они здесь?!

Хизри не шелохнулся. Он медленно втянул носом воздух, поворачивая голову к северу, где между верхушками деревьев ползли низкие, почти чёрные, налитые свинцом тучи.

– Нельзя идти, – произнёс он твёрдо.

– В каком смысле? Почему?!

– Непогода, – он опустил взгляд на меня. – Через пару часов придет буря. Для ноября – аномалия, но ветер уже разворачивается. В лесу при таком фронте занесёт за полчаса. Пойдешь – останешься навсегда в овраге. Придется переждать.

Он развернулся и пошёл обратно в избу.

Я осталась стоять на крыльце.

Ждать?!

У меня внутри поднялась паника. В колледже сегодня пары. Кураторша Светлана Николаевна и так смотрит на меня сквозь лупу – сирота, социальная стипендия, чуть что не так – вылечу с бюджета.

В общежитии комендантша вымотает душу вымотает за не ночевавшую студентку. А ещё висюлька сидит в переулке под холодным дождём и ждёт свой корм!

Но я посмотрела на небо. На лес. На этого хмурого, огромного человека.

Слушайся старших, Роза. Ты в этом лесу дура душой, а он здесь живёт. Ему виднее.

Я тяжело вздохнула и поплелась вслед за ним в дом.

Дверь закрылась, отсекая промозглый воздух.

Хизри бросил куртку на крючок, подкинул пару поленьев в печь и сел на лавку у окна с каким-то брусом и ножиком. Стал что-то размеренно обтёсывать. Стружка с тихим шуршанием падала на чистый пол.

Я постояла у порога. Походила от стены к стене. Сложила руки на груди. Перебывала у всех полок.

Скучно!

Прошел час, и за окном действительно начал подвывать ветер – сначала тонко, потом всё злобнее.

– Хизри, – не выдержала я.

Он даже ножа не оставил.

– Чего тебе?

– Я сейчас сойду с ума от тишины. Давайте хоть поговорим? О жизни, например.

Он приостановил руку. Лезвие замерло в миллиметре от дерева. Хизри медленно поднял на меня глаза – тяжелые, въедливые.

– Мне нечего рассказать тебе о жизни, Роза, – произнёс он ровно. – Потому что я давно мёртв.

У меня внутри всё похолодело.

Я отшатнулась назад, ударившись спиной о край стола. Мозги, и без того перегруженные ужасами этой ночи, выдали самую дикую и глупую мысль, на которую только была способна двадцатилетняя девчонка, начитавшаяся мистики.

– В каком смысле мёртв?! – голос у меня сорвался на писк. Я вцепилась в край стола пальцами. – Вы что, призрак?!

Хизри замер.

Потом уголок его рта пополз вверх. Неуклюже так, непривычно – словно эта мышца на его лице не работала лет десять. А потом из его груди вырвался короткий, глухой смешок.

Он смеялся. Суровый отшельник с ружьём смеялся надо мной!

Я почувствовала, как к щекам приливает обжигающая волна краски. Уши вспыхнули так, что, наверное, светились в темноте.

– Ну и ничего смешного! – фыркнула я, скрепя руки на груди и обиженно отворачиваясь к окну. – Нельзя смеяться над девочками, которые до сих пор верят в сказки! Ночь была так себе, между прочим!

Хизри отложил нож и брус. Смешок угас, но в его глазах впервые появилось что-то похожее на тёплый, насмешливый интерес.

– В сказки, значит, веруешь? – спросил он.

– Верую! – злорадно буркнула я, всё ещё горя щеками.

– И какая же у тебя любимая сказка, Роза?

Я ответила не задумываясь:

– «Красавица и чудовище».

Хизри помолчал. Внимательно оглядел меня – растрёпанную, в разодранной юбке и с гордо задранным подбородком.

– В сказке про Чудовище, если помнишь, Красавица осталась в замке добровольно. И поцеловала его, чтобы снять заклятье.

Он чуть наклонил голову, продолжая гипнотизировать меня взглядом.

– Готова целовать чудовище, Роза? Или вся твоя смелость закончилась на глупых книжках?

От услышанного у меня подкосились колени. Мне что, правда придется целовать его?!

Глава 6

Он не стал дожидаться ответа. Сделал шаг в обход стола и в один миг оказался передо мной. Опёрся ладонью о стену прямо над моим плечом, нависая сверху всей своей огромной, тяжелой тенью.

Воздуха катастрофически не хватало. От него веяло какой-то дикой, морозной свежестью и настоящей, настоящей мужской силой, от которой внутри всё скручивалось в тугую, панический узел.

– Вы же сами вчера сказали! – выдохнула я. – Помните?! Что я вас не интересую!

Хизри не отстранился. Его темно-серые глаза скользнули по моим губам, задержались на вздымающейся груди и снова вернулись к моим глазам.

– Помню, – ровно проронил он. – Но ты слишком много шумишь, Роза. Требуешь к себе внимания.

– Я просто хотела немного поговорить. Что в этом плохого?

– Ничего, – он наклонился ещё на пару сантиметров, и его тёплое дыхание коснулось моего виска. – Просто я не болтун.

Хизри вдруг отступил, расцепляя опасную близость. Взял со стола свой деревянный брусок, нож и как ни в чём не бывало уселся обратно на лавку.

– Хорошо, впредь я буду молчать! – вырвалось у меня. Голос всё ещё дрожал, а щеки пылали так, будто я стояла около костра. – Как скажете.

– Вот и отлично, – не поднимая глаз от дерева, отозвался он.

Я обиженно уставилась на него, сложа руки на груди и пытаюсь перевести дыхание. Не хочет общаться – да и пожалуйста! Не о чем нам говорить с этим букой.

К вечеру предсказанный Хизри буран накрыл лес окончательно. За окном начался настоящий ад. Ветер взывал с такой дикой, озверелой силой, что деревянный дом затрепал. Снежная крупа со свистом стучала по стёклам, забивая щели и превращая мутные окошки в сплошную белую пелену.

Спустя час в избе стало заметно холодать.

Печка, несмотря на то что Хизри регулярно подбрасывал в неё сухие поленья, перестала справляться. Морозный сквозняк нагло полз по полу, выдувая тепло из углов. У меня занемели кончики пальцев на ногах, а губы начали слегка поколачивать дрожью.

Стало по-настоящему страшно. Не от человека напротив, а от этой дикой стихии за стенами. Там, снаружи, человека занесёт насмерть минут за двадцать. И от осознания, насколько мы отрезаны от всего мира в этой глуши, у меня сжималось горло.

Хизри встал, прикрыл печную заслонку и зажёл керосиновую лампу. Жёлтый круг света немного разогнал тёмные углы, но уюта не прибавил.

– Поставим чайник, поужинаем и спать, – сказал он, подвигая к столу остатки хлеба, каши и сыра. – Ночью выстудит сильнее. Ветер северный, задувает в трубу.

Я молча присела на край лавки, поджав под себя ноги и плотнее кутаясь в грубый свитер, который он мне выдал, чтобы я перестала клацать зубами.

Мы попили горячего чая в сумеречном молчании.

Потом Хизри встал и кивнул на единственный в комнате широкий диван у стены.

– Ложись у стены, – коротко бросил он.

Я замерла с кружкой в руке.

– В смысле... у стены? – переспросила я. – А вы где?

– А я с краю, – ровно ответил Хизри, откидывая единственное одеяло. – Спать придется вместе. Так будет теплее.

У меня дар речи пропал.

Вместе?! На одном диване?!

– Я не могу, – пробормотала я, отступая на шаг назад. – Я не буду с вами спать!

Хизри остановился с одеялом в руках и посмотрел на меня как на душевнобольную.

– Роза, – его голос прозвучал сухо и утомлённо. – На улице холод собачий. И в избе к утру будет градусов пять. Два горячих тела под одним одеялом согреют друг друга. Физика шестого класса.

– И всё равно! – с упрямой паникой выкрикнула я. – Я могу поспать на лавке! Или у печки!

– Не фантазируй. Я ложусь спиной к тебе, ты – к стене. Никто к тебе лезть не собирается. Я устал как собака и хочу спать.

Я стояла посреди остывающей избы, и меня колотило от дикого смущения.

Господи, да я же никогда... никогда в жизни не лежала в одной постели с мужчиной! В детдоме спальни были строжайше разделены. В колледже – девчоночья комната в общежитии. С парнями я даже за руки не держалась.

А тут – взрослый, огромный, чужой мужчина. В глухой избе. Под одним одеялом.

Но пол действительно становился ледяным. Холод откровенно пробирался под одежду, заставляя зуб на зуб не попадать.

– Раздеваться не надо, – добавил Хизри. – Свитер оставь. Только обувь сними.

Он первым разулся, сбросил тяжёлые ботинки и лег на край дивана, оставив мне больше половины места.

– Гаси лампу и ложись, – буркнул он из темноты. – Или замерзай стоя. Дело твоё.

Я посмотрела на керосинку, затем на тёмный силуэт Хизри, следом на заледеневшее окно, за которым бесновалась метель.

Сглотнув сухой ком в горле, подошла к лампе и задула фитиль.

Изба погрузилась в непроглядную, звенящую тьму.

Единственным источником света осталась узкая щель печной дверцы, сквозь которую пробивался тлеющий, рубиновый отсвет углей. Но он не грел. Холод наступал быстро, полз от пола к ногам, въедался в щели деревянных стен.

Я сбросила тапочки и, осторожно, стараясь не выдать дрожи, забралась на диван и вжалась спиной в стену.

Стена оказалась прохладной. Неприятно.

Кое-как натянув край одеяла на плечи, я сжалась в комок, поджав колени к груди.

Прошло пять минут. Потом десять.

Холод не уходил. Я изо всех сил сжимала челюсти, чтобы не стучать зубами, но тело предательски дрожало – мелкой, непрекращающейся крупной дрожью.

За окном взвизгнул очередной порыв ветра. Изба скрипнула, будто живое существо, выгибающееся под ударами бурана.

– Не вжимайся в стену, – раздался из темноты голос Хизри. Низкий, глухой и совершенно бодрствующий. – Отдаёшь ей своё тепло.

– Я в порядке, – выбила зубами, проклиная собственное упрямство.

– Вижу, какой там у тебя порядок, – буркнул он.

В темноте зашуршало одеяло. Хизри пошевелился, разворачиваясь.

Я замерла, перестала даже дышать.

В следующий миг его широкая, тяжёлая ладонь вслепую нащупала моё плечо в темноте. Пальцы через ткань свитера были обжигающе горячими. Он без церемоний потянул меня от ледяной стены к дивану. То есть ближе к себе.

Затем лёг вплотную, прижав свою широкую, плотную грудь к моей согнутой спине, и сгреб меня в охапку вместе с тяжёлым ватным одеялом, укрывая обоим плечи.

У меня перехватило дыхание. Напрочь.

Всё моё тело натянулось, как струна. Я застыла, не смея сделать даже микроскопическое движение.

Он огромный. И горячий.

Его правая рука лежала прямо поверх моего бока, удерживая одеяло. Мой затылок едва не касался его подбородка. Я слышала его дыхание – ровное, глубокое, тяжелое – прямо у себя над ухом.

В детдоме нас учили бояться мужчин. И в колледже Руслан показал, насколько этот страх оправдан.

Но прикосновение Хизри было другим. В нём не было посягательства. Не было того сального интереса, которого я ждала с ужасом. Он держал меня так, как держат замерзающего щенка или затерявшегося в метели путника – надёжно, крепко и без лишних слов.

– Не каменей, – тихо пророкотал его голос где-то в моих волосах. – Я тебя не съем. Расслабься, а то к утру судорога сведёт.

– Я... просто не привыкла, – выдохнула в темноту. Голос прозвучал совсем тоненько.

– К чему? К теплу?

– К тому... чтобы так близко. С мужчиной.

Хизри молчал несколько секунд. Его рука на моём боку сжалась чуть сильнее.

– Ты ведь уже взрослая девочка, Роза, – произнёс он тихо. В его тоне впервые не было ни иронии, ни грубости. – И красивая. Почему ни с кем не встречаешься?

– Потому что мои однокурсники глупые дикари, – фыркнула в ответ.

Я лежала, чувствуя, как постепенно спадает панический зажим в мышцах. Тепло от тела Хизри медленно проникало сквозь слои одежды, убаюкивало, заставляло расслабиться. Дрожь утихла.

– А если я решу проверить, насколько ты смелая, когда никто не видит? – тихо прошептал он мне прямо в ухо.

У меня перехватило дыхание. Я знала, что должна ответить что-то дерзкое, фыркнуть... но язык словно присох к нёбу. От его близости, от этой глубокой вибрации в его голосе кружилась голова.

– Вы этого не сделаете, – прошептала в темноту.

– Почему же это?

– Потому что вы хороший, Хизри. Как бы вы ни притворялись мертвым или злым.

Хизри молчал долго. Так долго, что я слышала только дикий рев бурана за стеной и наше смешанное неровное дыхание.

А потом суровый, закрытый отшельник сделал то, чего я никак от него не ожидала.

Он прикоснулся губами к моим волосам на макушке.

И от этого простого, невесомого движения у меня внутри что-то оборвалось и сладко заныло.

– Кажется, я перестал быть мертвым, Роза, – сказал он странным голосом.

– Что это значит? – забеспокоилась я.

– Почувствуй сама.

Он прижался к моим ягодицам каменным пахом, и меня бросило в жар. Это ведь... Все-вышний, он возбужден!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.